

“ИНОЕ” В ТРЕТЬЕЙ ГИПОТЕЗЕ ПАРМЕНИДА (PRM.158D3–6)

И. А. ПРОТОПОПОВА

Российский государственный гуманитарный университет
plotinus70@gmail.com

IRINA PROTOPOPOVA

Russian State University for the Humanities (Moscow)

“OTHER” IN THE THIRD HYPOTHESIS OF “PARMENIDES” (PRM. 158D3–6)

ABSTRACT. The main purpose of the paper is to comment on Prm. 158d3-6. Consideration of this passage is preceded by a brief overview of various approaches to “Parmenides”. The most important difference in the approaches is determined by the attitude of the researchers to the “subject” of the eight hypotheses. F. Cornford believes that “one” and “is” in Plato’s text are not unambiguous, therefore the “subjects” of hypotheses are different, and, consequently, the conclusions from these hypotheses, although different, are not contradictory. Cornford’s approach is productively developed by K. Sayre and R. Turnbull. The author’s interpretation of the “Parmenides” is based on the same premise of the ambiguity of “one” and “is”. Other researchers (R. Allen, S. Rickless, M. Tabak) disagree with this, insisting that the “subject” in all hypotheses is the same, so the conclusions of different hypotheses are contradictory, and the conclusion from the most extensive, the second hypothesis, is obviously absurd (Allen). Tabak’s point of view is particularly abrupt, assuming that Plato’s goal in the second part is a parody of the views of the Eleatics and Sophists, often presented with deliberately incorrect and absurd conclusions. Tabak believes that only the third hypothesis applies to the views of Plato himself. It is with that one that the second part of the paper is dealing, analyzing the sense of “other” in Prm. 158d3–6. The author considers what is the meaning of “nature other than eidos” in the context of the ideas of the “receptacle” and $\chi\omega\rho\alpha$ in the “Timaeus” (50d, 51a7–b1), and what is the “idea of the immensity” in the context of the reasoning about the one, many and immensity in the “Philebus” (16de). Another comment concerns the meaning of $\acute{\epsilon}\tau\epsilon\rho\acute{\omicron}\nu \tau\iota \acute{\epsilon}\nu \acute{\epsilon}\alpha\upsilon\tau\omicron\iota\varsigma \gamma\acute{\iota}\gamma\nu\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ and compares several translations of this passage (Cornford, Hermann, Scolnicov, Sayre, Tabak). In conclusion, the author offers her own interpretation of “other” in connection with the seventh hypothesis of the “Parmenides”.

KEYWORDS: Plato, the “Parmenides”, third hypothesis, “one”, “other”, immensity.

Загадки “Парменида”

Задача этой заметки – комментарий к фрагменту Pm.158d3-6. Думается, что такой комментарий нуждается в некотором контексте, тем более что диалог “Парменид”, как известно любому платоноведу, считается одним из самых сложных для интерпретации в платоновском наследии. Он написан в совершенно особой манере, не свойственной другим диалогам, и потому вторую его часть, где рассматриваются восемь гипотез, касающихся соотношения “одного-другого”, многие считают лишь логическими упражнениями, не имеющими важного метафизического смысла. Такое представление можно обнаружить уже в древности (Фрасилл, Альбин), и Прокл в своем комментарии на “Парменид” опровергает эти взгляды, настаивая на том, что замысел диалога – в изучении действительных предметов (Procl. In Parm. 638 3-6).

Современные исследователи тоже относятся к смыслу диалога по-разному, консенсуса среди них мы не найдем. Есть приверженцы прежде всего логической интерпретации – например, в переводе С. Сколникова сам текст диалога разбит на “теоремы” (Scolnikov 2003), а в работе С. Риклесса вводятся символические обозначения, с помощью которых потом описываются гипотезы (Rickless 2007). Большое влияние на исследователей второй половины 20-го века оказала работа Ф.М. Корнфорда. По словам М. Табака, «не будет большой натяжкой сказать, что многие важные интерпретации “Парменида” за последние несколько десятилетий были критическими откликами на интерпретацию Корнфорда» (Tabac 2015, 179). Важнейший принцип его интерпретации заключается в том, что “одно” и “есть” в тексте Платона не однозначны, – поэтому “субъекты” восьми гипотез различны, и, следовательно, выводы из этих гипотез хоть и разные, но не противоречивые (Cornford 1939, 109–115). Подход Корнфорда плодотворно развивают К. Сэйр (Saure 1996, 18–19) и Р. Тернбулл (Turnbull 1998, 5–6, 49); подчеркну, что мое понимание “Парменида” основано на этой же предпосылке неоднозначности “одного” и “есть”.

Однако далеко не все авторы разделяют эту предпосылку. Р. Аллен возражает Корнфорду, настаивая, что “субъект” во всех гипотезах один и тот же, поэтому выводы разных гипотез противоречивы, а вывод из самой обширной, второй гипотезы, очевидно абсурден (Allen 1997, 211–218). Риклесс также считает, что “одно” во всех гипотезах тождественно и связано с “абсолютной беспримесностью” эйдосов, которые не могут иметь противоречивых свойств, – это, по его мнению, центральный пункт “теории идей” Платона т.н. “среднего” периода. Задача же второй части “Парменида” – изменить взгляд на эйдосы, которые становятся здесь “более прозаичными, приземленными, разделяющими черты чувственного мира” (Rickless 2007, 100, 240).

Существуют подходы, в которых противоречия, обнаруживаемые в “Пармениде”, считаются специальным провокационным приемом Платона, служащим обучению слушателей Академии (Miller 1986, 9–10). Но наиболее радикальным видится мне подход М. Табака (Tabak 2015). Его взгляд заключается в том, что “Парменид” нельзя воспринимать всерьез как отражение каких-то взглядов Платона, поскольку это сатирическая пародия на философствование элеатов и софистов: «восемь аргументов второй части основаны на гипотезах оппонентов Платона – элеатов и софистов. Цель Платона во второй части – пародия на взгляды оппонентов, часто с нарочито неправильными и абсурдными выводами» (Tabak 2015, 3). Табак считает, что в “Пармениде” нет никакой критики собственной теории идей, якобы осуществляемой здесь Платоном. По мнению Табака, к платоновским эйдосам (а это, по его мнению, эйдосы из диалогов “среднего” периода, – он разбирает соответствующие места “Федона”, “Кратила”, “Государства”) имеет отношение лишь третья гипотеза. О ней и пойдет речь.

“Иное” в третьей гипотезе (158d3–6)

Третья гипотеза (157b5–159b) предполагает описание того, что происходит с “другим”, если оно причастно “одному”. Тут важно подчеркнуть контекст. Первая гипотеза (137c4–142a6) исходит из того, что “одно есть одно”, где “есть” является связкой. У такого “одного” не может быть никаких предикатов, мы в принципе не можем его помыслить и воспринять, поэтому его по сути нет (142a1–6). Эта “апофатическая” гипотеза основана, без сомнения, на поэме Парменида.

Вторая гипотеза – самая большая по объему. Здесь предполагается, что “одно есть”, при этом “есть” уже не связка, а экзистенциальное утверждение. Стоит добавить это утвердительное “есть” – и возникает постепенно всё. Поскольку “одно причастно бытию” (142c9), “одно” и “бытие” оказываются частями целого, отсюда возникают остальные свойства этого целого: число, беспредельное множество, границы, фигура, нахождение в себе и в ином, движение-покой, тождественное-иное, сходство-несходство, касание-отсутствие касания, равенство, величина, количество, и наконец, время. Корнфорд говорит, что сложно такие свойства считать относящимися к умопостигаемым эйдосам: “они имеют очертания, расположены в пространстве, способны двигаться, могут касаться друг друга, становятся старше и моложе друг друга во времени, и являются объектами чувственного восприятия” (Cornford 1939, 193–194).

Однако комментатор “Парменида” Дамаский видит в этом эйдосы разных типов (умопостигаемые, сверхкосмические, внутрикосмические, а в каждой

сфере еще и промежуточные), то есть во второй гипотезе описано некое “нисхождение” эйдосов (Damasc. In Parm., passim). При этом в первой части “Парменида” как раз говорится о возможности существования разных типов эйдосов: “справедливое, “прекрасное”, “благое”; “человек”, “огонь”, “вода”; “волос”, “глина”, “грязь” (130bd). Очевидно, что это перечисление задаётся именно как “нисходящее” от наиболее “абстрактного” к “чувственному”. Говоря коротко, вторая гипотеза, гласящая, что “одно есть”, описывает разворачивание умопостигаемого универсума вплоть до способов схватывания сознанием сферы “чувственного”.

Вернемся к 3-й гипотезе. Здесь предполагается, что “другое” причастно “одному” – подчеркнем, что, на наш взгляд, имеется в виду “одно” второй гипотезы, т.е. не “само по себе”, а причастное бытию. Главные свойства такого “другого”: само по себе оно не имеет частей, являясь неоформленным “многим”, но будучи причастным одному, получает части, образующие целое. “Вот почему часть не может быть частью многих или всех (τῶν πολλῶν οὐδὲ πάντων τὸ μέρος μέρος), но только частью некой одной идеи (μιάς τινός ἰδέας), то есть того одного, которое мы называем целым, поскольку оно стало неким совершенно одним из вообще всего” (157d7-e1; пер. Ю.А. Шичалина). В итоге “другое” обладает теми же характеристиками, которыми обладает “одно” второй гипотезы (159a6-b1).

Но мы рассмотрим подробнее то, каким образом в “другом”, самом по себе беспредельном, возникает предел:

“Значит, всякий раз рассматривая таким образом саму по себе природу иную, чем эйдос, то сколь малую часть её мы бы не увидели, она будет беспредельна по множеству” (Οὐκοῦν οὕτως αἰε σκοποῦντες αὐτὴν καθ’ αὐτὴν τὴν ἑτέραν φύσιν τοῦ εἶδους ὅσον ἂν αὐτῆς αἰε ὁρώμεν ἄπειρον ἔσται πλήθει).

“Вместе с тем, как только каждая часть становится некой одной частью, она уже имеет некий предел и по отношению к другим частям, и по отношению к целому, как и у целого — по отношению к частям”.

“Получается, что в других, чем одно, из некоего приобщения одного и их самих, кажется, возникает в них самих нечто иное, которое как раз и создает эту определенность между ними, тогда как собственная природа других сама по себе создает неопределенность” (τοῖς ἄλλοις δὴ τοῦ ἑνὸς ξυμβαίνει ἐκ μὲν τοῦ ἑνὸς καὶ ἐξ ἑαυτῶν κοινωνησάντων, ὡς ἔοικεν, ἕτερόν τι γίγνεσθαι ἐν ἑαυτοῖς, ὃ δὴ πέρασ παρέσχε πρὸς ἄλληλα· ἢ δ’ ἑαυτῶν φύσις καθ’ ἑαυτὰ ἀπειρίαν. 158c5-d6; пер. мой – III).

Общая мысль такова: сама по себе природа другого беспредельна, но получает предел, когда приобщается к одному. Рассмотрим детали этого фрагмента.

Обратим внимание, что в 158c5 говорится не “другое” (τὸ ἄλλο), а “сама по себе природа иная, чем эйдос”. Что имеется в виду? Что это природа неиздети́ческая, то есть правы те исследователи, которые считают, что во второй части “Парменида” речь может идти не только об эйдосах, но и о сфере чувственного?

В этой связи можно вспомнить “Тимей” с его тремя главными родами: умопостигаемый образец (“отец”), отпечаток (“дитя”) и кормилица-восприемница (“мать”) (Ti.50d). Третий род самый странный и трудно представимый, его обычно связывают с материей: “незримый, бесформенный и всевосприемлющий вид, чрезвычайно странным путем участвующий в мыслимом и до крайности неуловимый” (ἀλλ' ἀνόρατον εἶδος τι καὶ ἄμορφον, πανδεχές, μεταλαμβάνον δὲ ἀπορώτατά πη τοῦ νοητοῦ καὶ δυσαλωτότατον. Ti. 51a7-b1. Здесь и далее пер. С.С. Аверинцева). Тем не менее, восприемница – это хоть и “бесформенный”, но “эйдос”. Дальше идет новое рассуждение о трех главных родах, и третий, обозначае́мый здесь как “хора”, “воспринимается вне ощущения, посредством некоего незаконного умозаключения, и поверить в него почти невозможно. Мы видим его как бы в грезах” (52b1-3). То есть, несмотря на странность, бесформенность, неуловимость и “незаконность” этого рода, *хора*, как и умопостигае́мый эйдос, вечна и не подвержена разрушению, так же, как и он, недоступна чувственному восприятию и при этом необходима для участия в умопостигае́мом. Думается, что в приведенном отрывке из “Парменида” “природа иная, чем эйдос” близка по смыслу такому “трудноуловимому” эйдосу, о котором говорится в “Тимее”.

В “Филебе” мы тоже обнаруживаем “идею беспредельного” (τὴν τοῦ ἀπείρου ἰδέαν). Поскольку нам важен этот контекст, процитируем этот отрывок:

“...все, о чем говорится как о вечно сущем (ὄντων τῶν ἀεί), состоит из единства и множества и заключает в себе сросшиеся воедино предел и беспредельность (πέρας δὲ καὶ ἀπειρίαν ἐν αὐτοῖς σύμφυτον). Если все это так устроено, то мы всякий раз должны вести исследование, полагая одну идею (μίαν ἰδέαν) для всего, и эту идею мы там найдем. Когда же мы ее схватим, нужно смотреть, нет ли кроме одной еще двух, а может быть, трех идей или какого-то иного их числа, и затем с каждым из этих единств поступать таким же образом до тех пор, пока первоначальное единство не предстанет взору не просто как единое, многое и беспредельное (ἓν καὶ πολλὰ καὶ ἀπείρα), но как количественно определенное. Идею же беспредельного (τὴν δὲ τοῦ ἀπείρου ἰδέαν) можно прилагать ко множеству лишь после того, как будет охвачено взором все его число, заключенное между беспредельным и одним; только тогда каждому единству из всего [ряда] можно дозволить войти в беспредельное и раствориться в нем” (Plb. 16de; пер. Н.В. Самсонова).

Здесь мы видим некое соотношение одного, многого и количественно определенного, а также беспредельного. Все это мы как раз находим в первых трех гипотезах «Парменида», при том и здесь, и в «Филебе» речь идет об исследовании эйдосов, идей, то есть о сфере умопостигаемого. «Природа иная, чем эйдос» – это, скорее, природа того, что не ограничено ни числом, ни формой, то есть никаким пределом; тем не менее, она с необходимостью участвует в умопостигаемом. Таким образом, если вторая гипотеза говорит об одном, расходящемся на количественно и «мерно» определенное множество, то третья гипотеза коррелирует со второй как описание со стороны беспредельного, получающего предел.

Посмотрим теперь, что такое $\xi\tau\epsilon\rho\acute{o}\nu\ \tau\iota\ \gamma\acute{\iota}\gamma\nu\epsilon\sigma\theta\alpha\iota\ \acute{\epsilon}\nu\ \acute{\epsilon}\alpha\upsilon\tau\omicron\iota\varsigma$. Переводы этого места отличаются у разных исследователей.

Перевод Сколникова: “something different comes to be in them” (Scolnicov 2003, 143).

Херманн переводит так же (“something different comes to be”) и подчеркивает: “It is the One that separates them from this amorphous state but also from one another, by granting them limits in respect to each other”. (Hermann 2010, 183).

Корнфорд переводит “something fresh” (Cornford 1939, 21).

Табак вообще говорит о новом элементе: «Thus, by partaking of the one, the others acquire “a new element [character] in them which gives to them limitation in relation to one another; whereas in their own nature they have no limit» (Tabak 2015, 104).

Сэйр тоже говорит о появлении «другой вещи: “from the combination of them with Unity there is generated some other thing in them that makes them determinate toward one another» (Sayre 1996, 43).

На мой взгляд, видеть в $\xi\tau\epsilon\rho\acute{o}\nu\ \tau\iota$, как это делают Табак и Сэйр, какую-то другую вещь, которая при этом как-то позволяет порождать предел, – значит, не улавливать главного. Оно, на наш взгляд, заключается в природе «иного».

Причастность одного «другим» порождает «иное», благодаря которому и появляется предел, определенность «других» по отношению друг к другу. Если среди них нет иного, то они не могут образовывать целостности, обладающие частями, то есть некие «единства». Если нет «иного», не может быть «предела» и «целого». О необходимости иного для возникновения предела и о том, что получается, если его нет, говорится в седьмой гипотезе:

При этом у всего другого, если оно хочет быть другим, есть нечто, по отношению к чему оно есть другое.

— Это необходимо.

— Но чем же оно может быть? Ведь оно не будет другим, нежели одно, потому что одного-то как раз и нет.

— Действительно, нет.

— В таком случае оно будет таким по отношению к самому себе: только это и остается для него, или же оно будет другим по отношению к ничему.

— Правильно. (164c6–d7, пер. Ю.А. Шичалина)

Это близко тому, что в “Софисте” говорится об “ином” как об одном из пяти главных родов: иное может относиться только к иному – если же нет этого важнейшего рода, то нет и различия. Там этот важнейший род проходит через все остальные эйдосы. (Sph. 255d–e). То есть, – возвращаясь к “Пармениду” – если в “другом” нет “одного”, то нет и иного; тогда нет никакого предела, никакого различия, и описано это как мир сплошной мнимости:

— Значит, каждое <из всего другого> будет другим по отношению любому другому во многих отношениях, поскольку в одном отношении это невозможно, раз одного нет. Поэтому, как представляется, любой их набор будет беспредельным по множеству, так что даже если взять то, что кажется самым малым, то внезапно — словно некое видение во сне — появляется многое вместо того, что казалось единым, и вместо казавшегося мельчайшим — нечто огромное, возникающее по ходу его дробления.

— Совершенно верно.

— Поэтому все другое должно быть другим именно в силу того, что эти наборы отличаются один от другого, поскольку в данном случае все другое есть другое при отсутствии одного.

— Совершенно верно.

— Следовательно, у нас будет много наборов, причем каждый будет только казаться, но не быть чем-то одним, поскольку одного нет. (164c6–d8, пер. Ю.А. Шичалина)

Подчеркнем, что здесь говорится о видении во сне – то же самое говорится о *хоре*, что мы видим ее словно во сне. То есть “эйдетическое” в принципиальном смысле предполагает предел, дающий возможность различать некие “целостности”, а при отсутствии “одного” в качестве иного “другое” как таковое не сможет порождать различие – все будет течь бесформенным странным потоком, поскольку нет иного, появляющегося в результате причастности одному.

Это похоже на то, как появляется время благодаря “вдруг” в добавлении ко второй гипотезе: само бесформенное течение, беспредельное становление ничем не ограничено, но его приобщение к “одному” порождает “иное” в виде “вдруг”, и это *ἐξαίφνης* создает предел, так что можно говорить уже не о бесформенном потоке, но о времени, где есть старше-младше и возможно измерение. Таким образом, вторая и третья гипотезы коррелируют друг с другом и благодаря идее времени.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Damascius (1997–2003) *Commentary du Parménide de Platon*. Texte établi par L. G. Westerink; introduit, traduit et annoté par Joseph Combès, avec la collaboration de A. Ph. Segonds. 4 vols.
- Proclus (1864) *In Platonis Parmenidem*, ed. V. Cousin. Procli philosophi Platonici opera inedita, pt. 3. Paris: Durand.
- Allen, R. E. (1997) *Plato's Parmenides*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Cornford, F.M. (1939) *Plato and Parmenides: Parmenides' Way of Truth and Plato's Parmenides*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Hermann, A. (2010) *Plato's Parmenides*. Text, Translation & Introductory Essay. Las Vegas: Parmenides Publishing.
- Miller, M. H. (1986) *Plato's Parmenides: The Conversion of the Soul*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Rickless, S. C. (2007) *Plato's Forms in Transition: A Reading of the Parmenides*. New York: Cambridge University Press.
- Sayre, K. M. (1996) *Parmenides' Lesson: Translation and Explication of Plato's Parmenides*. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press.
- Scolnicov, S. (2003) *Plato's Parmenides*. Translation with Introduction and Commentary. Berkeley: University of California Press.
- Tabak, M. (2015) *Plato's Parmenides reconsidered*. New York: Palgrave Macmillan.
- Turnbull, R. G. (1998) *The Parmenides and Plato's Late Philosophy*. Toronto: Toronto University Press.